

НАТАЛЬЯ ВАРЛЕЙ

КАНАТОХОДКА

Автобиография

Наталья Варлей

Канатоходка

«ЭКСМО»

2018

УДК 791:929 Варлей Н.
ББК 85.374(2)6-8 Варлей Н.

Варлей Н. В.

Канатоходка / Н. В. Варлей — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-96812-1

Наталья Варлей! И сразу ассоциация с героиней фильма «Кавказская пленница». Конечно, в этой книге есть главы, посвященные фильму и его создателям, — как же без этого! Но автор рассказывает не только смешные, но и горькие истории... Автор тонко, точно и остроумно повествует о своей цирковой молодости, о работе в кино и театре, о детстве и родителях, о путешествиях, о друзьях, о своей уникальной родословной и встречах с замечательными людьми: Юрием Никулиным, Георгием Вициным, Леонидом Гайдаем, Нонной Мордюковой, Виталием Соломиным и другими. Любимая актриса раскроет читателям то сокровенное, что раньше она доверяла только дневникам... Это книга о любви. О вечных ценностях. О поиске смысла жизни.

УДК 791:929 Варлей Н.
ББК 85.374(2)6-8 Варлей Н.

ISBN 978-5-699-96812-1

© Варлей Н. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

К читателям	6
Во имя любви	8
Детство. Аз есмь	11
Лариска	14
Как жёлты были одуванчики...	19
Сестрёнка Ира	23
Сбор металлолома	26
Мечта о пианино	28
Есть ли жизнь в полярную ночь?	30
«Вы меня обманули!...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Владимировна Варлей

Канатоходка

Автобиография

«Канатоходка» – это не потому, что я была воздушной эквилибристкой и умею ходить по канату.

Жизнь – гораздо более сложный, мучительный и часто опасный баланс между ЛЮБОВЬЮ и НЕЛЮБОВЬЮ, СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ и НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ, ПОНИМАНИЕМ и НЕПОНИМАНИЕМ, ЖИЗНЬЮ и СМЕРТЬЮ.

Книга об этом. И о тех, кого люблю.

Наталья Варлей

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Варлей Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

К читателям

Я прочитал эту книгу залпом, взхлёб, получив массу положительных эмоций – и лишь одна эмоция меня огорчила.

Я вдруг понял, что, оказывается, не знал Наталью Варлей. Ну, то есть: я её давно знаю и люблю, люблю её роли и фильмы (и любовь моя к артистке Варлей началась вовсе не со знаменитой «Кавказской пленницы» и даже не с «Вия», а с драматической ленты «Так и будет», где Наташа сыграла сложнейшую возрастную роль, и с её весёлых героинь в фильмах «Соло для слона с оркестром» и «Большой аттракцион»), я читаю её светлые, печальные стихи, такие трепетные и эмоциональные, я слушаю песни в её исполнении – всегда личностном, авторском; наконец, я дружу с ней, страшно сказать, с прошлого тысячелетия и даже имел счастье снимать её в своей кинокартине «Волкодав из рода Серых Псов», – но, к стыду своему, я не знал, что, оказывается, Наталья Варлей – ко всему ещё и такой интересный, глубокий писатель.

Нечасто встретишь столь незамутнённую искренность, открытость, исповедальность – и такой такт и достоинство, – какие проявила Наташа в этой книге. Это – автопортрет пылкой, всегда юной, сильной и при этом трогательно ранимой женщины, сумевшей, несмотря ни на какие трудности и испытания, сохранить себя в жёстком мире. И я точно знаю, что перед вами в высшей степени аутентичный автопортрет, лишённый приукрашательства и кокетства. Могу подтвердить это, ибо был свидетелем, а иногда даже участником некоторых событий, описанных на страницах книги. Да, такая она и есть, Наташа.

Николай Лебедев и Наталья Варлей (в роли матери Кендарат) на съемках фильма «Волкодав из рода Серых Псов»

А ещё вы встретите в книге яркие, образные и порой неcomplimentарные портреты множества современников, от знаменитых звёзд – Леонида Гайдая, Юрия Никулина, Нонны Мордюковой, Георгия Жжёнова, многих других – до тех, чьи имена неизвестны широкой публике

(вернее сказать, были неизвестны – до появления этой книги!), очерки весёлых и печальных историй и ситуаций, через которые проходит жизнь автора; а ещё – тонкие, драматичные размышления о днях минувших и дне сегодняшнем, о стране, в которой мы живём, о ценностях нашего бытия – подлинных и мнимых.

Перед читателем за калейдоскопом лиц и событий встаёт образ времени, образ эпохи – и образ сложной, яркой, многогранной творческой личности, запечатлевшей это время на страницах искреннего, пронзительного и очень человеческого произведения, которое вы держите сейчас в своих руках.

Николай Лебедев,

дважды лауреат Государственной премии России, кинорежиссёр, киносценарист, лауреат всероссийских и международных кинофестивалей

Во имя любви **(вместо предисловия)**

Часто приходится слышать, что время полетело быстрее. И правда: вот только началось лето, а вот уже и Новый год...

В Пророчествах есть слова о том, что в последние времена «век будет как день... день – как минута...». Да, наверно, «земля вертится» быстрее. Но ощущение времени связано ещё и с возрастом: та скорость, с которой несётся по жизни здоровый ребёнок, и та вынужденно медленная походка, которой бредёт по жизни старик, – не одно и то же. В короткий отрезок времени ребёнок втискивает миллион дел, мыслей, поступков, проступков, общений, счастливых, разочарований, огорчений. От завтрака до обеда – целая жизнь... А старик...

Удивительный старец, замечательный мудрый священник – отец Иннокентий (Вениамин) говорил мне: «Я успеваю за день только помолиться и согрешить». – «Как это, – недоумевала я, – батюшка, а что же тогда говорить нам, по-настоящему грешным?! Ваш-то грех в чём?» Отец Иннокентий терпеливо объяснял: «Проснулся. Помолился. И тут же в мыслях на кого-то рассердился, на кого-то разгневался, кого-то обидел, кого-то не простил, кого-то не понял. Кого-то не защитил...»

Тогда я не до конца осознала сказанное. Во-первых, батюшка Иннокентий был настолько духовен и светел, столько в нём было смирения и всепрощающей доброты, что его слова о собственных грехах никак не соединялись с его обликом, с тем светом, который шёл от него...

А во-вторых, я сама жила в такой суете, с такой скоростью неслась «по жизни, смеясь», так торопилась всё успеть – и работать, и детей растить, и любить, и верить... Кто же тогда я по меркам о. Иннокентия?! Грешница, грешница, грешница!..

Да, я тогда ещё редко заставляла себя «остановиться, оглянуться»... Всё приходит с возрастом. Счастлив тот, кому дарована мудрость с юности... Но вот уже и я ловлю себя на мысли, что если я не на гастролях (а там уж точно день посвящён спектаклю, концерту – подготовиться, сконцентрироваться!), то только и успеваю: проснуться, помолиться... и согрешить. Унываю, что ничего не успеваю. А значит – опять грешу...

Вдруг со всей очевидностью я осознала, что ещё немного, и я ничего уже не успею – не напишу, не сыграю, не объясню, не донесу, не расскажу...

Все эти тетради, листочки, записи, которые, казалось, ждали моего свободного времени, чтобы из обрывков мыслей, наблюдений, рассуждений и воспоминаний превратиться в книги стихов и прозы, в невероятные детективные истории, захватывающие любовные романы, волшебные сказки, истории про умных животных, повествования о моём детстве, о моих родителях, о детях, о счастье, о чувстве вины...

Всё это так и останется на бумаге. А записи эти под силу расшифровать только мне...

Хорошо помню, как после смерти тёти Шуры, крёстной моих сыновей, я сидела в её пустой квартире и вынимала из ящиков стола и сумочек листочки с адресами, открытки, письма, квитанции...

А спустя несколько лет так же сидела, обливаясь слезами, осиротевшая, после ухода мамы в её комнате и перебирала дорогие её сердцу открытки с нашими поздравлениями, детские рисунки, конвертики с надписями вроде: «Наташеньке 1 год и 2 месяца» с белобрысым завитком внутри, выцветшие фотографии, любовные записки из маминой юности, рецепты «хвороста», эклеров и «наполеона», листочки календаря с «полезными советами»... Всё это лежало, копилось годами, переезжало из города в город, из одной квартиры в другую в надежде на то, что «когда-нибудь пригодится»...

Так и после меня останется груда дорогих для меня мелочей – подарков, записок, заметок, дневников, черновиков, которые рука не поднимается выбросить, – но совершенно бессмысленных для остальных: кому интересно, что сломанная брошка или крошечная плюшевая игрушка всколыхнут в моей памяти сентиментальную историю...

Ну вот. Я всегда думала: придёт время. А оно ушло, быстро и безвозвратно. Опоздала. Как почти всегда опаздывала в жизни. Но в юности и в молодости всё равно кажется, что всё впереди. Как не успеть?! А потом...

Мама в последнее время часто повторяла: «Как же быстро всё пролетело!..» Но, пока она была жива, я не вникала глубоко в эти слова. А теперь – да, и я повторяю: «Как же быстро всё пролетело!..»

Года за полтора до ухода мама вдруг захотела написать воспоминания. Видимо, в памяти пролетала вся её жизнь и то, о чём раньше она не вспоминала...

И то, о чём теперь уже никто не узнает – потому что, когда через день я принесла толстую тетрадку в красивой обложке и несколько ручек (мама попросила, и я с любовью выбирала в *Доме книги*), мама сказала: «Нет! Я больше не хочу ничего писать...» Я опоздала...

Ещё почему-то в последние свои месяцы жизни мама читала наизусть стихи Есенина... Странно, почему именно они стали всплывать в её памяти – раньше она никогда не говорила, что любит этого поэта. А тут – она декламировала «с выражением», со «вторым планом», только ей очевидным. Она пыталась сиделку-молдаванку Иру (большую деревенскую тётку): «Ира! Как это вы не знаете наизусть „Письмо к матери“ Есенина?! Не понимаю!» «Та, Сергеевна! Я в школе учила, да позабыла», – оправдывалась сиделка. «Стыдно, Ира! Стыдно не знать „Письмо к матери“ Есенина!» – строго пеняла ей мама. И принималась читать сама...

Мы потом со смехом пересказывали эту историю. И веселились – казалось весело!.. А сейчас – не смешно. Грустно. Мамы нет. И её воспоминания, её декламация стихов «с выражением» – ушли вместе с ней. И так обидно и глупо, что мне не пришлось в голову записать всё это на диктофон. Тоже всё казалось – успею...

Бабушка Тата, мамина мама, помню, тоже читала нам стихи: Фета, Надсона, Бальмонта – «с выражением», с завываниями, как, вероятно, модно было читать во времена её юности. Этаким декаданс... А мы – семейство! – ухохатывались... А я, дура (будущая артистка!), пародировала бабушкины интонации («один в один», «точь-в-точь» – так называются нынче передачи, где обезьянничают!)... И все опять-таки веселились...

Ушла бабушка и её воспоминания об ушедшей юности, детстве, молодости, об ушедшей любви... Об ушедшей эпохе (бабушка родилась в 1899 году!)... А нам тогда казалось, что это было вообще в какие-то неандертальские времена (да и было ли вообще?!). И нас почему-то не посещало любопытство – наша сегодняшняя, сиюминутная жизнь была для нас значительнее, ярче и понятнее...

И ведь уже ничего не восстановить и не вернуть...

Старость сентиментальна и слезлива. А молодость – категорична и жестока...

Отец, мой отец – моряк, герой, – плакал, когда видел по телевизору марширующих пионеров, курсантов, моряков, когда слышал марш «Прощание славянки» или «Футбольный марш»... А мы недоумевали – чего тут плакать-то?! Чего тут грустного?! А того!!

В старости вдруг пронзительно ощущаешь и понимаешь, что всё прошло и никогда уже не вернётся. И некому «подхватить выпавшее из ослабевших рук знамя»... И ты, как рыба, выброшенная из родной стихии на песок, хватаешь воздух ртом – воздух воспоминаний о своей «так быстро пролетевшей» жизни... А те, кто смотрит на тебя в это время, недоумевают или даже стыдятся, стараются не замечать твоих некрасивых слёз, но только не позволяют себя утянуть в эти волны, которые ещё бушуют внутри тебя... У них своя жизнь, свой путь, свой мир... И в этом мире тебе отводится совсем небольшое место... И эти миры не пересекаются. Пока...

У меня нет своего сайта. Я не «пользователь». Поэтому все мои лжебиографии, всё, что гуляет в статьях, энциклопедиях, википедиях, – плод творчества недобросовестных, бессовестных «шустриков» от журналистики и литературы. Всевозможные «звёздные имена», «звёздные пары» и прочая дребедень – не ложь, а приблизительность, перемешанная со сплетнями, вымыслами и домыслами, НЕМНОЖКО разбавленная реальными фактами. Раньше читать это было до слёз стыдно. Хотелось бежать в суд. Или просто – найти «писателя» и дать пощёчину. Потом поняла, что это глупо. Опровергать – нет сил и желания. Бороться с этим – невозможно и бессмысленно. Поэтому лучше написать самой о том, как всё было. Всё, что помню. О тех, кого люблю. О тех, перед кем в долгу. ВО ИМЯ ЛЮБВИ.

Детство. Аз есмь

Моё первое осознание себя в этом мире, видимо, стало основой моего мироощущения: хрупкость счастья, страх потерять любовь; несправедливость, с которой невозможно справиться, хотя она причиняет невыносимую боль...

Огромный пустынный пляж... до горизонта, до бесконечности, за которой начинается другая бесконечность – море... Песок... Я стою на не очень уверенных ногах (или это страх не даёт мне уверенно стоять?!) на песке. Мама резким голосом меня ругает. Сердитый голос мамы, которая, очевидно, впервые его на меня повысила, и пробудил меня к сознанию – «аз есмь»...

С той минуты точно я себя и помню – я «зажила» от потрясения...

Но – помню и то, что было минутой раньше, «до»...

Мама держит меня на руках, прижимая к себе. Мне тепло и уютно. Я счастлива – от красоты и бескрайности мира, ласкового солнышка, маминой нежности, любви – такой надёжной! От переизбытка чувств я дрыгаю ножкой и... мир переворачивается: я нечаянно сбиваю часы с маминой руки... Часики были золотые – единственная, кроме обручального кольца, мамина драгоценность в ту пору, тем более что они были папиным подарком по случаю рождения дочки: папа купил их в Констанце, на моей родине, чуть ли не на все имеющиеся у него деньги...

Конечно, все эти подробности я узнала намного позже, когда рассказала маме всё про этот день, описывая пляж, свои ощущения, резкую перемену состояния. Мама ахнула и не поверила, что я могу это помнить. Она стала меня убеждать, что кто-то мне всё это рассказал. Но я описала несколько деталей, о которых никто не мог знать, нарисовала картинку морского берега – где было море, где небо, где песок и в какую сторону мы потом ушли... Я помню! Помню свои ощущения. Помню этот пейзаж. Помню ярко даже сегодня...

Мама всё ищет и ищет что-то в песке... И не находит... И ругает меня, ругает... А я стою, совершенно несчастная. Мне страшно и горько, и в животе пустота... Я, маленькая (а мне было тогда чуть больше года – год и два месяца!), почувствовала, что есть на свете ещё что-то, кроме всеобъемлющей радости и любви – **НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ НЕЛЮБВИ!**..

Но мама находит то, что искала, опять берёт меня на руки, прижимает к себе, целует, щебечет какие-то нежные слова... Но – нет радости восстановленной справедливости и любви... Я уже знаю, что **ЕСТЬ СЧАСТЬЕ И ЛЮБОВЬ, НО ИХ ЛЕГКО ПОТЕРЯТЬ**... Мама уносит меня домой...

Спустя много лет я нашла это место под Владивостоком на 19-м километре. Я вышла на этот пляж и, конечно, его не узнала... Узкая полоска грязно-бурого песка между морем и лесопарком – вот и всё, что осталось от того вольного, светлого простора, в котором я очнулась к жизни. И с тех пор помню всё...

Есть фотография того времени – я у мамы на руках. Мама очень красивая: светлоглазая, светловолосая. Толстая коса уложена вокруг маленькой гордой головы. Вздёрнутый носик. Длиннющие ресницы. Нежная, немножко застенчивая улыбка. Крепдешинное платье в цветок, подчёркивающее по моде того времени тоненькую талию... Я – довольно-таки нескладная. Большая, почти лысая (так, немножко светлого пуха!) голова с высоким затылком и плоским темечком (рахит, что ли?!). Пухлые губы. Грустные глаза. На платье сверху надет фартучек с вышитой на кармане вишенкой...

Говорят, женщина на корабле – к беде. Мой папа, капитан, не мог этого не знать. И тем не менее взял в рейс мою беременную маму. Родители полагали, что я появлюсь на свет в Варне. Но я родилась в Констанце. И в свидетельстве о рождении, и в паспорте стоит именно

это место моего рождения, хотя в обратный путь по морю я отправилась, когда мне был всего месяц от роду...

Мама на сносях ела не солёные огурцы (как приписывается беременным), а в огромных количествах халву – сначала в Болгарии, а потом в Румынии – до самых родов. Кстати, халву я тоже очень люблю. Но, когда я была (с интервалом в 12 лет) беременна моими сыновьями, почему-то не могла есть ничего, кроме бутербродов с маслом и сыром, запивая это «бочковым» (и никаким другим!) кофе с молоком в дешёвых кафе. «Полезные продукты» портились в холодильнике – одна мысль о них усугубляла и без того тяжёлый токсикоз. А чтобы избавиться от него, я заходила в магазины, где продавалась резиновая обувь – сапоги, галоши, – и стояла, нюхала... И приходила в себя...

Итак... Я родилась в 4 утра 22 июня в Констанце. Туда я приплыла в мамином животе. А через месяц возвращалась по морю к родным берегам уже вполне пузатеньким и курносым ребёнком (есть фотография и того времени – на шерстяном одеяльце, повернув голову в сторону фотографирующего, лежит, задрав ноги, нечто с не очень-то осмысленными глазами). На обратной стороне папиной рукой написано: «Натке 1 месяц». К слову: дома «Наткой» меня никто никогда не называл; много лет спустя меня так звал только один человек – Лёня Филатов...

Потом был Ленинград, родной город мамы (хотя родилась мама в Вятской губернии), потом Москва – родной город отца. А потом по месту назначения папы, на Тихоокеанский флот, мы «всем табором» – папа, мама, бабушка Тата (мамина мама) и я – отправились во Владивосток. С небогатым скарбом мы 11 дней ехали на поезде через всю страну...

Мне тогда было всего 3 месяца! Трудно даже представить, как мама и бабушка управлялись с грудным ребёнком в общем вагоне столько дней – без ванночек, памперсов (их тогда и в природе не было!). Где подмывали, купали какающего и писающего младенца?! Не представляю!.. Сейчас даже в комфортных условиях не все отваживаются путешествовать с маленькими. А тогда?!

Хотя леденящие душу семейные мифы звучат в ушах и по сей день. Например, как бабушка Тата отправилась на маленькой станции за кипятком (вот как раз, наверное, чтобы меня помыть!) и чуть не отстала от поезда, потому что дорогу преградил пришедший в это время на первый путь товарный состав. И бабушка, чтобы не отстать от поезда, подлезала под вагон, бросив драгоценную воду. Представляю, чего ей это стоило – бабушка была ужасная паникёрша!.. Или (эту страшную историю трагически дрожащим голосом тоже рассказывала бабушка – подозреваю, что в ней погибла великая актриса!) как мой молодой отец отправился по вагонам «выпивать с друзьями», а в это время «какой-то хам» на меня, младенца, с 3-й полки (почему с третьей? откуда третья?!) опрокинул горячий борщ!!! (Подозреваю, что борщ не попал на меня или всё-таки попал, но в небольшом количестве и совсем не горячий, иначе я была бы сильно травмирована, а об этом «трагическая история» умалчивает!) Дальше – мама и бабушка бились в истерике, а вернувшийся «навеселе» отец «не захотел делать замечание» соседу с 3-й полки. Но тут нужно сказать, что отец не любил «делать замечания» чужим людям и вообще не любил конфликтов на ровном месте. Видимо, да, смолчал. Но бабушка с мамой, сколько себя помню, часто припоминали ему, как он «не вступился»!!!

Жили под Владивостоком мы, как я уже упоминала, на 19-м километре, где как раз и произошло для меня открытие мира. Когда мне было около трёх лет, отец уехал учиться в Ленинград, в военно-морскую академию, а мы вернулись в Москву.

Я очень хорошо помню, как мы входим в огромную, почти пустую комнату с двумя окнами и свежепобелённой печкой, которая как бы срезает один из углов комнаты. В комнате стоит старый-престарый буфет со скрипучими, плохо закрывающимися дверцами. На нижней полке этого буфета бабушка потом хранила много вкусностей: изюм, сушёные грибы, сметки (кто не знает – маленькие сушёные рыбки, из которых потом получался замечательный суп!).

Я всё это очень любила потихоньку грызть, не дожидаясь превращения волшебных продуктов в компот или суп...

Ещё в комнате стоял потёртый кожаный диван с высокой спинкой, которая заканчивалась замысловатой полочкой. А посередине – круглый стол и тяжёлые тёмные стулья, тоже обитые кожей, сильно потёртой. Кожаными были сиденья и спинки. Я помню даже золотистые обивочные гвозди и три планочки, соединяющие спинку и сиденья...

Позже, когда мы немножко обжились, в комнате появились две железные кровати: одна маленькая, на которой спала я, а вторая – побольше и повыше, на ней спала мама. Бабушка спала на диване. А когда приезжал отец, он спал на полу на матрасе, чуть ли не под столом. Я просыпалась первая, ныряла под стол и будила отца, щекоча его за пятки – он очень боялся щекотки...

Убого? А ничего – жили – не тужили. И даже радовались! И вообще, я думаю, чем меньше ты обременён материально, тем больше радуешься самой жизни, самым простым её проявлениям, самым мелочам. Сегодняшним «упакованным» людям трудно это понять – им вечно чего-то не хватает для счастья, а счастье – в нас самих. И чем меньше ты избалован, чем менее пресыщен благами, тем ценнее каждый подарок жизни, каждый праздник, каждый сюрприз...

Семья отца жила в стареньком двухэтажном доме на Бутырской улице. Нет, они не владели двухэтажным домом – в доме было несколько квартир, и одна из них, трёхкомнатная, принадлежала папиным родителям. Дом этот стоял напротив часовни времён Наполеона – тогда это были жалкие развалины. Сейчас часовня восстановлена, и там даже идут церковные службы. А вот дом моего детства давно уже снесён. На его месте стоит стандартная блочная девятиэтажка.

На первом этаже двухэтажного дома был продовольственный магазин. С улицы всегда пахло бочковой селёдкой. Я селёдку любила, поэтому запах не казался мне противным. «Удобства» в доме были на втором этаже, там же, где квартиры, но как бы в отдельном отсеке. В каждой квартире имелись ключи от «своего» сортира с деревянным «толчком» (или «очком», как именовали его обитатели дома). Зимой нечистоты летели со второго этажа и вниз замерзали, превращаясь в лёд. Однажды в туалет случайно забрёл и провалился наш котёнок, но не погиб, не утонул, а спасся «на льдине», и мы его вытащили, опустив на верёвочке вниз коробку с кусочком колбасы...

Воду носили круглый год из колонки, которая находилась довольно далеко, за трамвайными путями, но до них нужно было ещё миновать длинный двор. Умывались мы из железного ручейника – вода была всегда очень холодная. А мыться взрослые ходили в баню. Меня туда брали редко – и хорошо, потому что мне там не нравилось: мокро, скользко и чужие голые тётки кругом. Обычно меня купали дома в корыте. На газовой плите грели воду... Отопление в доме, как я уже говорила, было печное. Прямо в комнате бабушка закладывала «дровишки» или уголь. Печка долго нагревалась. Правда, к утру всё равно было так холодно, что невозможно было вылезти из постели...

Дедушек своих я не знала. И папин, и мамин отцы ушли из жизни ещё задолго до моего рождения...

В квартире на Бутырской жили две семьи: в двадцатидвухметровой комнате – папа, мама, бабушка Тата и я (потом родилась сестрёнка), а в двух смежных, справа от кухни, – папина сестра Галина с мужем Алексеем и дочкой Ларисой (позже у них родилась Олечка) и папина мать – Матильда Максимовна (до сих пор не знаю, почему её так звали, – по паспорту она была Матрёна Максимовна).

Лариска

Лариска, моя двоюродная сестра, была почти на год младше меня. Она была обладательницей огромных печальных глаз – серых, окаймлённых длинными чёрными ресницами, – и замечательных слуха и голоса (кстати, папина сестра, тётя Галя, тоже очень хорошо пела). Ещё у Лариски был широкий курносый нос и вечные сопли. Моя чувствительная бабушка постоянно боялась «заразы», которую Лариска «могла принести из детского сада» – туда Лариска ходила, в отличие от меня, домашней.

Мы с Лариской очень дружили и очень любили друг друга. По возможности мы всё время проводили вместе. В туалет – на холод – нас, естественно, не пускали, боясь, что мы можем повторить судьбу котёнка. У нас были горшки, на которые нас синхронно усаживали в разных концах коридора. Если усаживали только меня, Лариска тут же волокла свой горшок и садилась на своё место. У нас был такой своеобразный клуб. Мы подолгу сидели на горшках, вели беседы о жизни, смотрели книжки, а когда научились читать – читали. Я научилась раньше и читала Лариске свои любимые произведения: «Что я видел?» Житкова, сказки и стихи Маршака, сказки Андерсена...

Читать я стала в четыре года. Причём особо меня никто не учил – просто и родители, и бабушка мне всегда много читали. И меня это увлекло. Я читала запоем, всё подряд: книги, журналы, вывески, надписи на заборах и скамейках... Родители мной гордились, и, когда приходили гости, меня ставили на стульчик, давали в руки газету, и я читала передовую статью – не по слогам, а бегло. Все изумлялись и ахали...

Вообще, основную часть литературы я буквально проглотила с четырёх до четырнадцати лет. Потом уже подчитывала, перечитывала. Почти сразу же я научилась и писать. И тут же начала писать стихи...

Лариска была очень трогательным ребёнком. И очень одиноким. Не помню, чтобы родители ею как-то отдельно занимались. Тётя Галя весь день была на работе, а всё оставшееся «свободное время» занималась хозяйством – печка, вода с колонки, магазины, приготовление еды... Дядя Лёша от быта был освобождён – он работал и учился. К тому же он был инвалидом: вместо ампутированной ноги он носил деревянный протез, который, как и костыли, на которых он ходил, страшно грохотал. Я ужасно боялась этого грохота, а заодно и дядю Лёшу...

Бабушка Матильда Максимовна редко бывала дома. Она уезжала в гости к сестре Марине Максимовне. (Я вообще её плохо помню, она вскоре умерла.)

Дядя Лёша был белёсый, как будто выцветший, – волосы, брови, ресницы и даже глаза, которые, по идее, были голубые. А тётя Галя была настоящей красавицей: черноволосая, сероглазая, высокая и стройная (правда, по моде тех лет высокий рост и большая нога считались скорее недостатками – в моде были миниатюрные женщины; моя мама была как раз такой, поэтому пользовалась бешеным успехом у мужчин!). Красота тёте Гале счастья не принесла. Пока дядя Лёша учился, она работала за двоих – да что там за двоих, за четверых: Лариска – маленькая, мать – пожилая. Потом родилась Оленька – вся в отца: льняные волосы, голубые глаза. Говорят, если дочь похожа на отца, она счастлива, а на мать – нет... Лариска была похожа на мать...

Галина, которой пришлось работать уже за пятерых, конечно, надорвалась. Она заболела туберкулёзом. Условия, в которых мы жили, тоже к этому располагали. Тётя Галя долго лечилась, выздоровела, вернулась домой...

И узнала, что у мужа Алексея есть другая женщина (вот такая банальная мужская «благодарность»). От переживаний болезнь нагрянула с новой силой, а у тёти Гали сил бороться за своё здоровье и счастье уже не осталось. Болезнь победила. Галина умерла. И Лариска практически растила сестрёнку, которая была моложе её всего на 7 лет...

Но я забежала вперёд. Вернёмся к тому времени, когда все ещё были живы и относительно здоровы.

Жили мы трудно. Но воспоминания – светлые. Это было время, когда люди приходили в себя от недавней войны, поэтому радовались просто жизни, строили планы, всегда стремились помогать друг другу. Люди тогда умели общаться, умели веселиться...

Когда отец приезжал в отпуск в Москву, у нас обязательно собирались гости. Приходили друзья: Свешниковы – славная интеллигентная пара, Волчанецкие – красавец-пьяница художник, похожий на жгучего усатого испанца, и его тихая томная жена Лариса, с головкой, причёсанной под Натали Гончарову, мамина подруга Вера Гордеева...

С Верочкой – я так её зову, хотя ей 93 года, – мы подолгу разговариваем по телефону и сейчас, а когда мама была жива, Верочка гостила у нас на даче, навещала маму в Москве. У неё ясный ум и прекрасная память. Я очень дорожу общением с ней, тем более что это почти последняя ниточка, связывающая меня с маминой жизнью...

К приходу гостей накрывался стол. На белой крахмальной скатерти стояли разносолы – не только селёдочка, картошка, солёные огурчики и помидорчики, но и шпроты, крабы, икра (они, кстати, стояли в магазинах пирамидами, вопреки утверждениям о пустых полках), очень вкусные колбаса и сыр, конечно же, салат оливье, рыба под маринадом. Всё очень качественное – пальчики оближешь! К чаю обязательно пекли домашнее печенье, пирожки, торт...

Играет патефон. Все танцуют под пение Клавдии Шульженко, Петра Лещенко... Веселятся. Женщины пьют шампанское. Мужчины – водочку...

Я умудрялась каким-то образом заснуть в той же комнате, где шёл пир горой. Один раз во сне свалилась с кровати. Проснулась от хохота взрослых и от стыда...

Бабушка ходила со мной гулять на стадион «Пищевик» – через трамвайную линию. Там были деревья, росла трава, стояли лавочки. Мы с бабушкой садились и читали – каждая своё...

А на поле стадиона тренировались спортсмены-легкоатлеты... Зимой на том же поле заливали каток, и я помню, как на коньках шла туда через двор поздно вечером (чтобы никто не увидел!) – пыталась научиться кататься...

Ещё бабушка водила меня в крошечную кондитерскую на Бутырской улице, ближе к Савёловскому вокзалу. В этой кондитерской от «бывших» остались кожаные диванчики, удобные столики и красивая витрина, в которой чего только не было: потрясающе вкусные торты, с нежнейшим кремом пирожные «Наполеон», ещё горячие – чудо как вкусно! – эклеры с заварным кремом, песочные корзиночки, наполненные фруктами, и – венец творения! – крошечные «птифуры»...

Мы съедали по пирожному. Немножко брали с собой. «Немножко» по двум причинам: с деньгами было негусто, к тому же не помню, чтобы у нас тогда был холодильник. Поэтому продукты не закупались впрок.

В булочной на Хуторской (это если мы шли в гости к Свешниковым) мы обязательно покупали (и тут же по одному съедали) пирожки с повидлом по пять копеек, вкус которых я помню до сих пор! Никакого «машинного» масла, и горячее свежее яблочное повидло! Хотя, вообще-то, я не была сладкоежкой – наоборот, я очень любила всё солёное: селёдку, шпроты, снетки. Но больше всего я любила (и эту любовь пронесла через всю жизнь!) твёрдокопчённую колбасу. Я прятала несколько кусочков под подушку и, когда мама и бабушка засыпали, доставала своё сокровище и могла его смаковать...

Засыпала я плохо. С детства отношусь к «совам» – легче вообще не спать, чем просыпаться рано. К тому же мешал свет фонаря под окном, от которого по потолку бежали замысловатые световые дорожки, когда по улице проезжали редкие машины и троллейбусы...

Я лежала и мечтала. Мне было о чём мечтать – о замужестве, о будущей моей семье (это в 4-то года!)... Мы с Лариской, сидя на горшках, часто обращались к этой теме. «Мой муж пришёл домой пьяный, – важно и с придыханием говорила сестра, – я его очень ругала, тогда

он меня побил, а потом стал целовать!» (Очевидно, это была картинка из жизни её матери и отца – дядя Лёша любил выпить.) Меня эта история очень волновала, особенно та её часть, где «начал целовать»... И ночами, вместо сна, я фантазировала историю своей будущей семьи, убрав фрагмент с «битьём»... Объектом моих фантазий и любви стал мальчик с нашего двора, Саша Кукушкин, четырёхлетний голубоглазый блондин. Почему он? Да потому что других рядом не было.

Да и Сашу-то я видела всего два раза, когда мы играли во дворе в «клады». Суть игры в том, что в земле рылась ямка, там из разноцветных стёкол, осколков битой посуды, конфетных фантиков, тряпичных лоскутков, ниток, пробок, бусинок и прочих «драгоценностей» выкладывался замысловатый узор, он накрывался бумагой или тканью и аккуратненько закапывался, а сверху закидывался землёй, травой – чтобы трудно было найти...

Ну и всё. Кто нашёл «клад» – молодец и счастливец! (Вряд ли поймут нашу радость и смысл игры сегодняшние дети, задаренные всякими «пазлами», конструкторами и «лего»)...

И ещё мы бегали, играя в «салочки»: «Салочка, дай колбаски! Я не ела с самой Пасхи...»

Вот и всё моё общение с мальчиком Сашей Кукушкиным. Но это не мешало мне мечтать ночами: он приходит с работы – я его жду. Накрыт стол. И мы садимся обедать – я, муж и много детей...

Куда потом делся Кукушкин из моих мечтаний и из моей жизни – не помню... А вот картинку счастливой семейной жизни я себе нарисовала именно тогда и именно такой: большой стол, за которым собралась большая и дружная семья... И всю жизнь я стремилась воплотить эту детскую мечту... Не очень получилось...

Однажды я лежала, как всегда в своих мечтах, глядя на коврик над моей кроватью. И постепенно узоры и полоски на нём оформились в огромного тигра, который готовится к прыжку. И вот, когда он с рёвом бросился на меня, я, с не меньшим рёвом, проснулась и с криком «Тигр! Тигр!!!» – бросилась к маме, которая крепко спала на своей кровати. Та спросонья ничего не поняла и переадресовала меня бабушке. Бабушка долго объясняла мне, что это сон, но видение моё было настолько реальным, что я доказывала бабушке обратное. Наконец, осознав бессмысленность ночных препирательств, бабушка укладывает меня рядом с собой, обнимает меня своей тяжёлой мягкой рукой и засыпает...

Бабушка – полная и горячая. Я слышу, как урчит и булькает у неё в животе. От бабушки пахнет, как часто пахнет от старых людей – кисловатым тестом. (Хотя сейчас я понимаю, что бабушка по сегодняшним меркам совсем не была старой – ей было чуть больше 50)... Мне жарко и неудобно. Но я успокаиваюсь. Вынырываю из-под бабушкиной руки и уже бесстрашно иду в свою постель, успевшую остыть, а потому – приятно прохладную...

Лариска была хоть и младше меня, но «опытнее». От неё я многое узнавала «о жизни». В каком-то смысле она была моим учителем... Однажды, когда мы сидели с ней на лавочке на стадионе «Пищевик», я, по своей привычке читать всё подряд, громко прочитала нацарапанное на скамейке: «Рита – п...!», причём с ударением на первом слоге. Лариска громко захохотала. Я обиделась: «А что ты смеешься?! Может, это фамилия такая?!» Лариска просто упала со скамейки от хохота. Отсмеявшись, она преподала мне очередной «урок жизни», объяснив значение некоторых «фамилий»... Я была домашним растением, а Лариска ходила в детский сад...

Возвращаясь из детского сада, она летела напрямик к нам, но осторожная бабушка допрашивала её с пристрастием, нет ли в саду карантина?.. А так как Лариска и дома-то вела вполне самостоятельный образ жизни и к тому же была страшно любопытной, с ней иногда случались казусы...

Однажды она добывала себе на кухне что-нибудь поесть, и вдруг раздался душераздирающий крик, переходящий в страшный вой... Бабушка бросилась на кухню, при этом преграждая дорогу мне... Но я всё равно рванула на помощь... Открыв рот, держась за горло,

Лариска дико орала: «А-аа! Больно!..» – «Ну-ка покажи горло!» – приказала бабушка. Горло оказалось огненно-красным, просто багровым... «Скарлатина!» – поставила диагноз испуганная бабушка, запихивая меня поглубже в комнату... Лариска выла под дверью...

Вызвали врача. И выяснилось, что ребёнок попробовал на вкус стручок жгучего перца. Но бабушкин «карантин» на всякий случай длился ещё несколько дней. Меня не выпускали даже на горшок в коридор. Лариска страдала и не знала, что придумать, чтобы к нам пробраться...

И однажды в дверь раздался прямо-таки грозный стук: «Татьяна Егеевна (так она трансформировала бабушкино отчество „Евгеньевна“)! Откройте, пожалуйста! Мне надо сказать вам что-то очень важное!» – строго и взволнованно кричала Лариска. Бабушка, не менее любопытная, потеряла бдительность и открыла... «Татьяна Егеевна! Сталин умер!..» – торжественно произнёс ребёнок... Немая сцена...

К тому времени со дня смерти Сталина прошло больше полугода...

Эта фраза стала у нас нарицательной – когда нужно было рассказать о сильно запоздавшем известии, говорили: «Татьяна Евгеньевна! Сталин умер...»

Когда мы уезжали к папе в Мурманск, или к родственникам в Ленинград, или на отдых в Сочи – да неважно куда! – Лариска обязательно готовилась к побегу из дома – ехать вместе с нами. Я ей помогала, тоже наивно полагая: а вдруг на этот раз получится!.. Мы подробно обдумывали совершенно утопический план действий: она незаметно (!!) сядет с нами в такси, в поезде (тоже незаметно!) залезет на багажную полку. Ну, а когда поезд тронется, будет уже поздно что-либо предпринимать, и она уедет с нами. На этом месте план обрывался... Лариска паковала маленький игрушечный чемоданчик – необходимые вещички, провизию. Но, когда приходило такси, наши родители раскрывали «план побега». И мы уезжали, оставив «за кормой» отчаянно ревущего от безутешного горя ребёнка...

Да, объясню, почему в географии передвижений нашей семьи возник Мурманск. После окончания академии папа работал в «Севморпути», в Министерстве морского флота, а потом его направили в Мурманск заместителем начальника Мурманского пароходства. И мы сначала ездили к нему погостить, а потом остались на севере на семь лет...

Когда мы вернулись в Москву, дядя Лёша с семьёй уже получил квартиру в новом районе, а в их двух комнатах поселились чужие люди. Но и мы недолго жили на Бутырской – отцу дали две комнаты на Суворовском бульваре (нынче опять Никитском) в Доме полярников. А вскоре дом на Бутырской улице снесли...

Мы с Лариской теперь жили далеко друг от друга, в разных районах. Виделись редко, чаще писали друг другу письма. Скучали друг о друге. Но началась взрослая жизнь. Я поступила в цирковое училище. Позже начала работать в цирке и сниматься в кино...

Лариска некоторое время встречалась с моим сокурсником по цирковому училищу Борей Селивановым. Почему они расстались, никогда не спрашивала, а они мне не рассказывали... Потом Лариса вышла замуж...

В последний раз я виделась с ней, когда она уже родила девочку. Я приехала к ней в гости на Нагорную улицу, где она тогда жила с мужем и маленькой дочкой. Мы долго сидели и разговаривали. Лариска говорила мне, как она счастлива в замужестве. Но чем дольше она об этом рассказывала, тем больше убеждалась я в том, что она выдаёт желаемое за действительность. Ей очень бы этого хотелось, но это было совсем не так. Не только Ларискины и так всегда печальные глаза выдавали её. Я почувствовала – в первый раз в нашей жизни, – что она со мной не откровенна, мучительно закрыта... К сожалению, интуиция меня не подвела...

Я уже была принята в труппу театра и уже знала, что у меня будет ребёнок, когда пришло страшное известие о смерти Ларисы...

Побелевший от горя дядя Лёша на похоронах и на поминках твердил одну фразу: «Это мне наказание за Галину...»

Не знаю, насколько это достоверно, но история, которую мне дядя Лёша рассказал, такова: Лариска, её муж и ещё одна пара пошли ночью купаться на озеро, и Лариса утонула. Её вытащили, но не успели откачать... Дядя Лёша утверждал, что муж Ларисы разлюбил её, встретил другую и, желая от нелюбимой избавиться, сам её и утопил...

Хотели завести уголовное дело, но отец молодого вдовца был какой-то «шишкой» в милиции. И дело замяли...

Через два месяца «безутешный» вдовец женился на своей пассии и уехал вместе с ней и с дочкой в неизвестном направлении... Дочка Ларисы, скорее всего, так и не узнала, кто её настоящая мать...

Удивительно и трагично переплелись судьбы Ларисы и её мамы Галины, на которую она была так похожа...

Дядя Лёша пережил свою старшую дочь ненадолго...

А Оленька приходила ко мне на спектакль, когда мы играли в Зеленограде. Она там живёт и преподаёт хореографию...

Как жёлты были одуванчики...

Хоть и трудно после тяжёлых воспоминаний возвращаться к продолжению рассказа о детстве, но я возвращаюсь, потому что именно там разгадка всей последующей жизни. Там корни всего: жизненного уклада, взглядов на мир, отношения к дружбе, любви, природе, к животным – всё из детства...

Ещё одно яркое воспоминание. Ещё одно потрясение, о котором расскажу...

Мы снимали на лето дачу в деревне Аносино по Рижской дороге. Ну, на самом-то деле просто комнату в деревенской избе (иногда с терраской, иногда только терраску). «Удобства» – во дворе, в конце сада. Снимать нужно было чуть ли не зимой – тогда мало у кого были свои дачи, поэтому во всех деревенских домах всегда были дачники. Но, чтобы хата была ближе к лесу или к реке, об этом нужно было позаботиться заранее. «Хозяевам» оставляли задаток...

Оно того стоило – места там были райские: волшебные леса, сказочные пейзажи, чистая как хрусталь река, родники, поля, косогоры, покрытые нежным разнотравьем и полевыми цветами. Когда я стала постарше, я любила скатываться с высокого пригорка «бочонком» вниз к реке.

И, заметьте, никакого мусора, битых стёкол, консервных банок! Так что я «докатывалась» целая, невредимая и счастливая!..

Никаких «короедов» и клещей – об этом даже и не слышали. Мы ходили в лес и на речку босиком. После обеда часто шли в лес с одеялом, которое расстилали прямо на траве. И ложились с книжкой...

Девственная природа, несмотря на присутствие дачников. Ну, разве что можно было иногда вляпаться в коровью «лепёшку». Но и их собирали для огорода бережливые хозяева. Поэтому отравиться нитратами, съев морковку, тоже было невозможно...

Позже речку Истру изуродовали плотиной, и вода перестала быть хрустальной, и не стало видно плещущихся в ней серебристых рыбок (да и рыбки тоже исчезли)...

А я помню хлипкий деревянный мостик через речку. По нему страшно было идти, но видна была каждая песчинка, каждая травинка...

Деревня Аносино стоит на горе. «Центральная» улица и три перпендикулярно от неё идущие в сторону реки слободы... Поля, засеянные рожью или пшеницей, с яркими васильками у обочин (какие сказочные букеты мы собирали!), луга, засеянные кормами для скота – клевером и горохом (ох, до чего вкусным!).

До сих пор стоит перед глазами эта красота...

Когда я была уже взрослой, в одном из своих стихотворений написала:

...лесов заворожённость русская...

Тропинка колкая и узкая...

И бабушки походка грузная...

И скрип бидона молока...

Как жёлты были одуванчики!..

Вот эти «жёлтые одуванчики» и есть то самое потрясение, о котором я хотела рассказать, да никак не доберусь, захлебнувшись в других воспоминаниях...

Мы едем на дачу со всем скарбом в тряском грузовике. Бабушка в кузове с вещами: кровати, тумбы, стулья, столы, раскладушки; подушки, одеяла, покрывала, занавески, игрушки, безделушки, посуда. Всё упаковано в простыни и завязано тюками. В отдельной коробке керосинка и керосин (а как вы думаете, на чём еда будет готовиться?!). Ещё в одной коробке – продукты: крупы, макароны, сухофрукты и т. п.

Мы с мамой едем в кабине грузовика вместе с шофёром. Ехать около 50 километров, но для меня дорога мучительно нескончаема: меня и без того укачивает, а тут ещё рытвины и ухабы – это там, где асфальт, а так дорога местами грунтовая, а по деревням – песок или глина...

Там, где сегодня плохой, но асфальт, корявые и бестолковые, но развязки, – в пору моего детства асфальт кончался где-то в Нахабино. А дальше шли грунтовые дороги, а потом и вовсе (особенно в дождливую погоду) бездорожье...

Однажды в конце лета мы уезжали с дачи... Шёл сильный дождь... Мы с мамой поехали на электричке, что тоже было не совсем просто – до электрички идти нужно было около пяти километров: под горку, через речку (по хлипкому мостику), потом полем, потом в горку, ну а там уже по относительно ровной дороге вдоль леса...

Бабушка (мы решили, что ей будет всё-таки легче на машине) должна была приехать на грузовике (на сей раз в кабине!) с вещами... но... ведь шёл сильный дождь...

Мы с мамой, с грехом пополам, добрались до Москвы и от станции «Дмитровская» на троллейбусе приехали домой. А бабушки дома ещё нет...

Стемнело... Мама стоит у окна, волнуется (рядом с мамой легко было понять этимологию слова – от неё волнами шли страх, тревога, потом ужас, отчаяние и безысходность!!!). Её состояние передаётся мне...

И вот мы уже обе стоим и волнуемся... Ночь... Бабушки всё нет... Мама начинает метаться: куда бежать?! куда звонить?!.

А действительно, куда? Понятно, что тогда не было мобильной связи, но у нас не было **ВООБЩЕ НИКАКОЙ** телефонной связи! Чтобы позвонить, нужно было бежать в ближайший телефон-автомат, да и то при условии, что он не сломан, и при ещё одном условии, что в доме найдётся несколько двухкопеечных монет – автоматы любили «душки» безнаказанно заглатывать!..

Наконец, под утро, когда мы с мамой уже сошли с ума от волнения и беспомощности, бабушка приезжает...

Оказывается, сразу при выезде из Аносина машина увязла в глине... Ни проезжающих машин, ни прохожих (да, так было в ныне густонаселённых местах, где машины идут нескончаемым потоком!)... И – никакой связи... Шёл сильный дождь, а бабушка по природе своей была и совершенно не приспособленной к жизни, и паникёршей, как я уже говорила... Можно понять глубину её отчаяния... Но – русская женщина в экстремальной ситуации часто проявляет себя героиней! И бабушка Тата вышла на какой-то там перекрёсток дорог (по глине, в дождь!) и нашла «какого-то колхозника», который потом пригнал трактор, и цепями грузовик с бабушкой и вещами вытащили из глины, выволокли на приемлемую дорогу, и дальше, слава Богу, они добрались до Москвы...

Но сейчас я возвращаюсь к той, самой первой поездке на дачу... Меня укачало так, что периодически машину тормозят и меня выводят поблевать. Я не разделяю восхищений моей романтической мамы. Я не умиляюсь красотой родных просторов, потому что страдаю!..

Наконец, машина останавливается. Меня вынимают из кабины и ставят на землю – на лужайку перед домом. Она вся в жёлтых одуванчиках!!! Их много-много!..

Сердце моё выпрыгивает от счастья – я никогда не видела такой красоты!..

На крыльце дома сидит деревенская девчонка, моя ровесница... Она нарочито не обращает на меня внимания, а строго смотрит на курицу, которая топчется у крыльца. Девчонка с хрустом откусывает от огурца, который держит в руках, и, выплёвывая на землю кусочки, приговаривает: «Кура! На...» И мне тоже ужасно хочется вот так же смело и независимо сидеть, грызть огурец и делиться им с курицей...

А в середине лета бабушка упала с этого крыльца, чуть ли не до кости ободрав ногу, а её нежная кожа на попе (у бабушки до последних дней была необыкновенная – атласная! – кожа,

которой она очень гордилась) оказалась вся в занозах. Ну, и что вы думаете – я взяла йод и иголку и все занозы вытащила...

А больше было некому: мама и бабушка всю жизнь боялись вида крови, царапин, ран – до обмороков. А я не боялась (и сейчас не боюсь, мало того – в подобных ситуациях я, наоборот, мобилизовываюсь)...

Именно тогда бабушка и мама решили, что я обязательно должна стать врачом... Но я хотела быть пианисткой...

Много лет подряд мы снимали дачу в Аносине, но однажды произошёл сбой – не знаю почему: видимо, не успели снять, – и на всё лето мы уехали в Фирсановку (это уже по Ленинградской дороге). Сейчас там практически город, а тогда – лес, природа, хотя местность довольно болотистая...

Хозяйку дачи звали Ольгой Александровной. В нашем распоряжении – второй этаж дома и часть огромного лесного участка с хвойными деревьями, где росли грибы и ягоды. И хотя собирать их мы могли только в «строго отведённых местах», всё равно это вызывало бурное восхищение...

Я – тихая, застенчивая и пугливая девочка, совершенно не приспособленная к жизни. Умею читать и всё время читаю. Отец зовёт меня «професся» (видимо, оттого, что в малолетстве я так выговаривала слово «профессор»). Бегать по саду можно только под присмотром (вдруг упаду!). С детьми за калиткой играть не разрешают (могут обидеть!). Я чувствую себя неловкой, неуклюжей, одинокой...

В зеркале я вижу худую, некрасивую, глазастую девочку с тёмно-кариими глазами, похожими на вишни, и блестящими каштановыми волосами, с чёлкой и стрижкой, которая сегодня называется «каре» и которую потом мне подобрали гримёры для «Кавказской пленницы»... Я – несчастная, бледненькая!..

Хочется на волю. И я делаю попытку: покидаю сад, выхожу за калитку, поворачиваю за угол и... останавливаюсь, потому что не знаю, куда идти и что делать дальше...

Здесь высохшее торфяное болото. Земля чёрная, трухлявая и мягкая... Кочки... Пахнет прелой тиной...

Неведомо откуда появляется стайка мальчишек... Они старше меня. Они – чужие... Страх сковывает меня по рукам и ногам, и мальчишки, как и все злые зверьки, моментально это чувствуют и понимают, что меня не только можно, но и нужно обидеть, потому что я – слабее... «Ешь землю!» – командует старший из мальчишек... «Зачем?.. Не хочу...» – отвечаю я шёпотом. «Ешь-ешь...» – говорят мне уже азартно и напористо. Я порываюсь убежать, но меня быстро окружают: «Ешь!»...

Отщипнув мягкий чёрный комочек, обливаясь слезами, я ем (на удивление, земля на вкус не противная!)... Мальчишки гогочут, довольные. Развлечение окончено... Униженная и заплаканная, я бегу домой и тут уж вырёвываюсь вволю...

Больше за калитку меня не отпускают. А я и не рвусь!..

Конец августа. Зарядили дожди... Глинистые дорожки в саду мокрые и скользкие, как лёд... Мама отправляет меня «как большую» в конец сада – к деревянному сортиру: я должна вынести собственный горшок... Я послушно иду, бережно несу тяжёлый фаянсовый горшок, закрытый крышкой. Горжусь самостоятельностью...

Ох, не объяснили мне с младенчества, что гордыня – грех!.. Почти дойдя до цели, я поскользываюсь и падаю плашмя на спину, опрокинув содержимое горшка себе на голову... Я лежу на спине, даже не пытаюсь встать, и ору во всё горло...

По саду уже бегут мне на помощь испуганные бабушка и мама, поднимают, отряхивают, ведут мыться, успокаивают, но при этом обе безудержно хохочут... Я не успокаиваюсь, а реву ещё горше и громче – мне не больно, но так стыдно и обидно!.. Да ещё этот смех!..

Всё в той же Фирсановке мне почему-то однажды пришло в голову погрызть заколку для волос. Хотя, скорее всего, я хотела почистить что-то застрявшее между зубами. В результате застряла и заколка. Как ни дёргай – ни туда, ни сюда! Рот при этом не закрывается. И больно. И безысходно как-то... Отец потащил меня на руках на станцию, чтобы везти к врачу. Я упиралась. Меня уговаривали и пугали какими-то чудовищными последствиями и, видимо, настолько запугали, что я в отчаянии, непрерывно дёргая заколку, в результате так расшатала зуб (к счастью, молочный), что сумела вытащить заколку вместе с зубом... Мы вернулись на дачу. Ура!

Вообще, я была ребёнком слабеньким и – повторяюсь – неприспособленным к жизни. Болячки и неприятности липли ко мне, чувствуя благодатную почву. И ещё, наверное, потому, что мама с бабушкой излишне за меня тряслись, я болела постоянно: то уши, то печень, то бронхит. Как там в поговорке: «не понос, так золотуха»...

В 6 лет я заболела конъюнктивитом, причём произошло это как-то нелепо...

Перед самым Новым годом мы шли с Бутырского рынка – бабушка, Лариска и я – и несли домой ёлку... А в руках у Лариски была ещё еловая ветка... Настроение было радостное, предпраздничное. Лариска вертелась, крутилась, пританцовывала и... нечаянно попала веткой мне в глаз. Вот и всё – даже особенно больно не было...

Но, вероятно, в маленькую ранку попала инфекция. В результате я мучилась глазами несколько лет: я уже пошла в школу, мы жили уже в Мурманске, а глаза всё болели...

Это было ужасно: возвращаюсь из школы, поднимаюсь по лестнице, плача, – так болят глаза. С утра мне закапывали какие-то лекарства, но к моменту возвращения из школы их действие заканчивалось, и меня просто скручивало от боли... Я не могла смотреть на свет. Хорошо хоть день в Мурманске зимой совсем короткий...

Но всё равно – окна завешивались плотными шторами, чтобы даже свет уличных фонарей не попадал в комнату... Я падала на кровать лицом в подушку и плакала в темноте...

Потом бабушка или мама опять мне что-то закапывали... Я приходила в себя и могла делать уроки...

Сестрёнка Ира

Мне 6 лет. Мы ещё живём на Бутырской улице. Я возвращаюсь с Лариской с прогулки. Мамы почему-то нет дома, хотя в последнее время она никуда и не ходила... Взволнованная бабушка говорит, что её увезли в больницу...

Куда? Зачем? Говорит – ничего страшного!.. Через несколько дней мама возвращается домой с завернутым в одеяло, на мой взгляд, уродливым, сине-красным и безостановочно орущим созданием...

Для меня это – обвал мира: мои неразумные родственники и не подумали подготовить меня к этому событию...

А я по своей глупой наивности не понимала, почему у мамы такой живот – ну мало ли, поправилась... вот у нашей пожилой родственницы, тёти Зины, почти такой же...

И вдруг... Мне говорят: «Это твоя сестрёнка! Ты теперь большая... Радуйся!..»

Я в полуобморочном состоянии... Обо мне забыли! Меня разлюбили... Теперь все скачут вокруг кровати, где лежит и орёт яростно требующее к себе внимания существо...

Мама, противно сюсюкая, поёт неестественным голосом:

Сколько какашек навалило —
По колено вязнешь...
Ты скажи – скажи, Ирина,
Любишь али дразнишь?..

«Ирина» – это потому что папа прислал из Мурманска телеграмму: «Поздравляю Иринкой тчк». Бабушка сердится, потому что она заготовила для ребёнка другое имя!..

А я смотрю на счастливую, восторженно поющую маму, и мне страшно: вот она, любовь, которая уходит. Которая ещё вчера была!.. Как же мне горько!..

Молодые (и не очень молодые) мамы и папы! Когда у вас появляется на свет младшенький(-ая) – не забывайте ни на минуту о старших детях! Любите их ещё сильнее! Ласкайте и обнимайте их чаще! Говорите, как вы их любите!.. Никогда не подчёркивайте: ты теперь большой(-ая)!.. Тогда они не будут страдать и мучительно ревновать. Тогда будут любить друг друга и помогать друг другу и вам... Запомните!.. Внимание к старшему ребёнку после рождения младшего должно быть удвоенным, утроенным, удесятерённым!..

Я стою посреди комнаты как в вакууме – вся любовь и нежность мамы и бабушки сосредоточена на этом орущем создании... Меня тошнит от запаха пелёнок и от нестерпимого чувства одиночества, ненужности, несправедливости... Меня душит чувство ревности – меня разлюбили и предали!..

К сожалению, глупая детская ревность, которую вовремя не вылечили, пустила корни и дала злые всходы – перекинула мостик из детства и во взрослую жизнь...

Когда мы были маленькими, мы с Ирккой часто ссорились, иногда даже дрались. В принципе, это нормально – дети и ссорятся, и дерутся. Но родители обязательно ругали меня. А Ирка, поняв это, при малейшем раздоре бежала жаловаться. Мои оправдания и попытки восстановить справедливость во внимание не принимались – аргумент был всегда один: «Ты же большая!» И боль моя копилась, и желание стать опять «маленькой» было недостижимым, и опекать, и защищать зловредную младшую сестрицу (к чему меня призывали родители!) мне – ну совершенно не хотелось. Я всё глубже уходила в себя, в свои стихи и дневники, всё больше разрасталось во мне стремление оторваться от дома, от этого обидного сговора (что я в конце концов и сделала!)...

Нет, конечно, в наших отношениях бывали периоды близости и любви. Но они как раз и наступили, когда я начала становиться самостоятельной. И в эту взрослую и независимую жизнь Ирка сразу потянулась. Я хорошо помню эти отрезки времени...

Двенадцатилетний ребёнок с чемоданчиком в руках, в котором «джентльменский набор»: игрушки, альбомы, книжка, свитер, смена белья и туалетные принадлежности, – приезжает ко мне на школьные каникулы в Ярославль, где я гастролирую с цирком...

Я встречаю сестрёнку на заснеженном перроне поздно вечером – вернее, около полуночи... Мы едем на квартиру, которую для меня снимает цирк...

Хотя как раз в каникулы времени, чтобы как-то отдельно развлекать ребёнка, у меня и нет: в цирке – «ёлки». У артистов по три представления в день: два дневных – для детей и одно вечернее – для взрослых. Представьте, все представления шли с аншлагами! Ещё далеки те времена, когда в цирках, как и в кинотеатрах, станут располагать мебельные или автомобильные салоны. И по сей день огромные цирки, построенные по всему Советскому Союзу, часто пустуют. В лучшем случае там выступают поп-«звёзды». А тогда это не могло присниться даже в страшном сне!..

В общем, я работаю по три раза в день, но тем не менее мы замечательно проводим время. Конечно, Ирка (совершенно естественно и по собственному желанию) часто сидит и смотрит представления, но у нас остаётся время и погулять, и походить по музеям...

Ну, а когда мне совсем некогда, я покупаю ей билеты в кино, и она купается в своей самостоятельности...

Мы встречаем Новый год. К нам приходят мои цирковые друзья, с которыми я работаю в одной программе, – Янек Польди, Гена Горлов, Толик Вязов...

Хотя 1 января у нас в цирке «утренник», встреча Нового года проходит очень весело...

Каникулы пролетают быстро. И вот я уже провожаю мою девочку в Москву... Тот же заснеженный перрон... Только не ночь, а день... Ждём поезда... Ребёнок стоит, нагруженный подарками... Обе плачем...

Ещё один счастливый эпизод в нашей общей жизни... Ира приезжает ко мне, в то время уже двадцатидвухлетней студентке четвёртого курса театрального института, в Вильнюс, где живёт съёмочная группа фильма «Золото» (по роману Бориса Полевого). Я играю в этой картине главную героиню – Мусю Волкову... Моей сестре шестнадцать лет. В этом отрезке времени мы внешне были похожи друг на друга...

Есть снимок, где мы стоим рядом, окружённые «фашистами» из массовки (фильм о реальных событиях Великой Отечественной), как двойняшки. Для фильма меня красили в блондинку, «фирменную» чёлку со лба убирали, и это ещё больше добавляло сходства (Ириша была русоволосой и не носила чёлки)...

Картина «Золото» была «мосфильмовская», но съёмки проходили и в самом Вильнюсе, и в пригородных лесах... Группа подобралась замечательная. Мы не только дружно работали, но и между съёмками дружили...

В картине снимались Саша Январёв и Витя Перевалов (мы его звали «мальчик-перевальчик»: он внешне не вырос – после «Республики Шкид» и фильма «Я вас любил...» остался таким же мальчиком... «перевальчиком»). Матрёну Рубцову играла Лариса Лузина... Администратором был Саша Слонимский. Оператором – Валера Шувалов...

На картине Лариса и Валера полюбили друг друга и вскоре поженились...

Была замечательная бригада осветителей во главе с Володиёв Репниковым (он сейчас стал крупным продюсером)... Мы жили радостно, постоянно шутили...

Однажды, когда мы уже вернулись из экспедиции в Москву, осветители прислали мне телеграмму: «Встречай тюльпанами тчк светики»...

Все вместе мы в перерывах между съёмками собирали в лесу грибы-ягоды, а в городе ходили по музеям и костёлам или просто шатались по улицам. По вечерам собирались в чьём-

нибудь номере в гостинице – играли на гитаре (я свою везде таскала с собой), пели песни и частушки, рассказывали анекдоты и всякие интересные истории...

В общем, жили весело, наполненно и, как сейчас говорят, позитивно... Ирка всегда была с нами. И даже немножко снималась в массовке – то есть могла заработать немножко денег «на карманные расходы»...

Кстати, вслед за мной (когда я уже выпустилась) Ира поступила в цирковое училище – только, в отличие от меня, в детскую студию. Правда, потом ушла – показалось трудно, к тому же я начала активно сниматься, и Ирина тоже решила стать киноактрисой.

А что – все данные для этого у неё были с раннего детства: в отличие от меня, застенчивой и зажатой, Ирка с готовностью выходила перед любой аудиторией. Однажды, совсем маленькая, сестрица вскарабкалась на ресторанный эстраду в Сочи и объявила: «*Выступает великая АЛЬТИСТКА Ирина Варлей!*»...

В десятом классе она снялась в главной роли в фильме «Вальс» Виктора Титова (этот фильм и этого режиссёра очень любил мой сокурсник по театральному институту Юра Богатырёв). Потом сыграла Юльку в картине Одесской киностудии «Юлька»... Потом снялась в роли Верочки в фильме «Преждевременный человек» («Яков Богомолов») Абрама Роома.

На эту роль была утверждена я, но поняла, что не успею сняться, поскольку была беременна Васенькой. Нужно было срочно найти мне замену, и важно было, чтобы актриса была моей комплекции, чтобы она смогла влезть в сшитые для меня платья – с талией 59 сантиметров.

Долго искали, пока не сообразили, что у меня есть сестра, у которой и опыт работы в кино, и хорошенькая, и платье сидит так, будто специально на неё сшили!..

В общем, Ирина подошла на роль Верочки по всем параметрам. И очень понравилась Абраму Матвеевичу...

Так что фильмография у начинающей артистки получалась отличная...

Но в Щукинское по моим следам Ира не поступила – срезалась на коллоквиуме, к которому отнеслась легкомысленно...

А на следующий год на одно место претендовали Ира и Женя Симонова. Взяли Женю... Мама требовала, чтобы я пошла к Захаве – я отказалась: глупо идти просить, когда и так все знали, что Ира – «сестра Наташи Варлей»...

Мама и Ира на меня тогда очень обиделись. И напрасно. Всё, что ни делается – к лучшему...

Ирина очень способный человек, но вряд ли она смогла бы пойти тем мучительным и тяжёлым путём, которым приходится идти актрисе...

Глядя на меня, она теперь часто говорит: «Какое счастье, что я не стала актрисой. Я бы не смогла так жить!..»

Конечно! Она права. Стоит ли эта профессия таких жертв, постоянно размышляю и я...

У Ирины прекрасная дружная семья, заботливый, обеспечивающий семью муж Николай, сын Серёжа, невестка Даша, внуки Маша и Андрюша.

Вряд ли Ирка в детстве мечтала об этом, в отличие от меня. А вот у неё как раз именно так получилось!..

Мы нечасто общались – у каждой была своя жизнь. И жизни эти были очень разными...

Но после маминой смерти мы опять потянулись друг к другу, опять почувствовали себя родными сёстрами, близкими людьми... Сиротство объединяет...

Какое прекрасное слово – «объединяет»! Какое горькое слово – «сиротство»...

Сбор металлолома

Возвращаюсь в своё нескладное детство... Мне 9 лет. Мы живём в Мурманске. Я учусь во втором классе. Меня приняли в пионеры и выбрали членом совета отряда. Я пришла домой и с гордостью сообщила, что «я теперь член»! Лукаво улыбаясь, папа интересуется: «Кто-кто?..» Не понимая подвоха, я объясняю, что меня «выбрали членом»! «Членом чего?» – уже смеётся папа. «Просто членом!» – чуть не плача, кричу я...

И вот я, «просто член», иду вдоль пионерского строя «сдавать рапорт». На ногах новые рыжие кожаные полуботинки, намазанные бабушкой касторовым маслом – чтобы они блестели и не скрипели...

Но они всё равно жутко скрипят. Вряд ли кто-то обращает на это внимание, но я иду и страдаю. Я вся деревянная. Мне кажется, что все слышат этот скрип и смеются надо мной...

Эти комплексы, этот страх перед толпой как раз и притягивают неприятности: толпа чувствует слабость и нападает (вот как тогда почувствовали мой страх перед ними, мою слабость «маменькиной дочки» мальчишки, заставившие меня есть землю!)...

Так и у животных: бегущая по улице собака, если она одна, редко делается агрессивной. А если их две или больше – они уже сила, стая. Если стая чувствует, что её боятся, она набрасывается...

Не выношу «стадности», не люблю публичной «обнажённости» (не путать с оголённостью нервов!)... Как при этом я стала актрисой, как решилась опубликовать своё сокровенное – стихи, – как, наконец, я согласилась на написание этой книги – это и для меня загадка...

И ещё. Когда родители думают, что их дети – несмышлёныши: ничего не видят, не слышат, не понимают, – как же они заблуждаются!.. Дети всё видят, слышат и замечают – даже если не наблюдают за окружающими специально. Видимо, срабатывает какое-то шестое чувство...

Хорошо помню, как папа с мамой на какие-то мои слова, которые им кажутся смешными или глупыми, «незаметно» переглядываются, улыбаясь!.. А я всё вижу, всё понимаю. И мне от этого так обидно!!!

Так, вернёмся к «стадности»... Я училась уже в пятом классе мурманской школы № 8...

Из-за того, что постоянно болела, у меня начались ревматизм и ревмокардит, и от физкультуры меня освободили. Мой класс в тот день должен был собирать металлолом (были тогда такие странные мероприятия, как сбор металлолома или макулатуры)...

Ну, какие для меня могут быть холодные тяжёлые железки, когда воспалены суставы и сердечная мышца?! Естественно, врачи мне запретили. Я осталась дома...

В середине дня раздался телефонный звонок. Я сняла трубку... Мои дорогие одноклассники, захлёбываясь от злости, по очереди выкрикивали в трубку разнообразные гадости, но смысл их сводился к тому, что я, мол, потому «оторвалась от коллектива», что могу себе это позволить только «по блату», поскольку я «дочка председателя исполкома»...

Отец действительно в ту пору возглавлял Мурманский горисполком... Но при чём тут это?! Папа, всю жизнь занимавший руководящие должности, был кристально честным и принципиальным человеком, и понятие «блат» вообще отсутствовало в его лексиконе. Это во-первых. А во-вторых, ребята знали, что я болею...

Поэтому вся ситуация была дикой, нечестной и несправедливой!.. Сейчас-то я уверена, что без подстрекательства завистливых взрослых тут не обошлось. А тогда... Я пыталась что-то объяснить по телефону, заикалась, оправдывалась...

Но... я никогда не умела (и не умею!) ни объясниться, ни оправдаться... Я что-то лепетала, но меня никто не слушал. Хамство разрасталось, в трубку выкрикивали гадости. Тогда я положила её на рычаг, но звонки продолжались...

Когда пришла мама, у меня уже была настоящая истерика. Вернулись с прогулки бабушка с Ирккой. Пришёл с работы папа...

Всей семьёй меня пытались успокоить. Наконец, опухшая от слёз, я поднялась и сказала, что в эту школу я больше НИКОГДА не пойду. И вот здесь я стояла как стена – сдвинуть меня было совершенно невозможно. Да, я была слабенькой и закомплексованной, но при этом обладала твёрдым характером: переболев и перемучавшись, выплавав все слёзы, я двигалась дальше, и не было такой силы, которая могла бы меня вернуть назад... Хорошо это или плохо – не знаю. Но это так...

Меня перевели в другую школу под номером 23. Совершенно не помню – ни как я там училась, ни с кем, ни кто меня учил. Просто стёрлось из памяти. Правда, и проучилась я в новой школе совсем недолго...

Отец получил новое назначение – начальником порта в бухту Провидения на Чукотке. Он должен был ещё завершить работу в Мурманске, а мама, бабушка и мы с сестрёнкой начали перебираться в Москву...

Так что с середины 6-го класса и до окончания 7-го я училась уже в московских школах. Сначала на Бутырской. А когда мы переехали на Суворовский бульвар, я пошла в школу № 91 на улице Воровского (это та, что нынче опять Поварская!). Школа была с математическим уклоном, и это, конечно, стало бы для меня катастрофой, но...

Судьба моя сделала резкий поворот – я поступила в цирковое училище. И детство закончилось. Началась взрослая, трудная, но необыкновенно интересная жизнь...

Как это произошло? Опять мне придётся возвращаться в своё повествование назад...

Но пока я не перешла к следующей теме, хочу рассказать о том, как однажды, где-то на гастролях, ко мне за кулисы зашла женщина и показала мне фотографию того самого моего класса, который так безжалостно со мной обошёлся, и я на этой фотографии, и все улыбаются...

И она стала мне напоминать, как во время какого-то праздника все веселились и как танцевала моя мама – «такая красивая»!.. Я совершенно не вспомнила этот праздник, но просто, как кровь горлом, поднялась та моя боль, о которой я уже забыла, казалось...

Мне не хватило мудрости и смирения. И я так и сказала этой моей однокласснице: «А вы помните, как я плакала в трубку, а вы от этого становились ещё злее?..» Она сначала растерялась, а потом ответила, что да, что-то припоминает. А то она «всё думала», куда же я «потом исчезла?»...

То есть мои бывшие одноклассники мой уход из класса и из школы даже и не увязали с тем, запомнившимся мне на всю жизнь, детским потрясением!.. С той моей отчаянной болью! С тем, что меня несправедливо обидели!..

У-ди-ви-тель-но!!!

Мечта о пианино

Итак, тщетны были надежды родителей, что я буду врачом – я мечтала стать пианисткой. Конечно, это было в генах – бабушка прекрасно играла на пианино, и вся её ленинградская родня была очень музыкальной: в доме постоянно крутились пластинки классической музыки, а родственники с упоением подпевали арии...

Но самое главное – в одной из комнат огромной ленинградской квартиры на Васильевском острове стоял старинный рояль, в который я влюбилась так, как умею влюбляться только я – моментально и безоговорочно. И стала мечтать о том, как я буду играть на этом волшебном инструменте (по-настоящему, а не «Чижик-пыжик», которому научила меня моя 9-летняя тётя Ира). Загвоздка была в малом – в Москве у нас не было пианино, и не могло быть по целому ряду причин – например, потому что денег на покупку инструмента у нас не было. Жалко, конечно, но я понимала ситуацию – не канючила, не просила... Я просто нарисовала клавиши на бумаге и самозабвенно «играла». Тогда мне купили «сольфеджио», а там был целый разворот «нотного стана». Я играла на нём!..

В конце концов меня повезли поступать в музыкальную школу на Лесной улице (недалеко от Новослободской – теперь это Долгоруковская улица). Бабушка и тётя Зина (наша родственница) разучили со мной песню из репертуара Лемешева, которого тётя Зина обожала:

Светит солнышко на небе ясное,
Цветут сады, шумят поля.
Россия вольная, страна прекрасная,
Советский край – моя земля...

Не самая простая в вокальном плане песня. А если учесть мою патологическую застенчивость и робость, то нетрудно понять, почему на экзамене, когда проверяли слух, я запела шёпотом. «Погромче, пожалуйста!» – просят члены приёмной комиссии, но я «пою» ещё тише... Не помню, с какой попытки слабое подобие звука прорезалось, но и этого было достаточно для того, чтобы мне «поставили диагноз» – абсолютный слух и предложили мне учиться по классу скрипки.

Какая скрипка, когда я мечтаю играть на пианино?! В конце концов (и уже не в этот день) принято решение в мою пользу: меня принимают в музыкальную школу на обучение «по классу фортепиано»! О, счастье! Ура-ура-ура!!!

Но пианино-то у нас дома нет!..

В результате три раза в неделю бабушка возит меня на Хуторскую улицу, к друзьям семьи, Свешниковым, чтобы в течение полутора счастливых часов я могла играть гаммы, этюды, упражнения, пьески на их инструменте...

И три раза в неделю я вместе с бабушкой на троллейбусе езжу на Лесную. Там находится музыкальная школа, в которой я успешно учусь и где, конечно, даже не подозревают, что у нас дома нет инструмента. Я приезжаю на уроки всегда хорошо подготовленная...

Сама по себе поездка на троллейбусе для меня была зверским испытанием – я уже рассказывала, что в транспорте меня сразу укачивало, а до школы нужно было проехать семь остановок... Иногда приходилось выходить, чтобы не опозориться, и продышаться... Троллейбусы ходили не так уж часто (но всё-таки, наверное, почаще, чем сейчас!), поэтому приходили переполненными... Бабушка была трепетная и суетливая и всегда боялась опоздать, как будто этот троллейбус – последний...

Помню, мы с ней бежим к только что подошедшему троллейбусу, и понятно, что места в нём уже нет, даже на подножке, но бабушка всё равно подсаживает меня. Я тяну руки, чтобы

за что-нибудь или за кого-нибудь зацепиться. Но тут водитель захлопывает двери, и троллейбус трогается с места... Я еду с прихлопнутыми руками, а бабушка бежит за троллейбусом с криком: «Немедленно откройте двери! Девочку прищемило!...» Начинают орать и другие пассажиры... «Вожатый удивился – трамвай остановился...» (В нашем случае – троллейбус...) Двери раскрылись...

В музыкальную школу «после такого потрясения» бабушка меня уже не повезла. Мы перешли на другую сторону улицы и вернулись домой. Трагическим голосом бабушка рассказывала ахающей маме «этот ужасный случай». И хотя мои прихлопнутые руки ни капельки не болели – резиновая прокладка троллейбусных дверей замечательно амортизировала, – меня заставили, «чтобы не было синяков после ушиба», на собственные руки пописать... Я попыталась воспротивиться, но мама и бабушка были так взволнованы и возбуждены, что я, как послушный ребёнок, сдалась...

Несмотря на все тяготы, связанные с дорогой, занятия музыкой стали для меня настоящим счастьем. Бабушка очень помогала мне – и разбирать произведения, которые мне приходилось играть, и одолевая сложности сольфеджио...

Когда, уже в Мурманске, у нас наконец появилось в доме моё любимое чёрное пианино «Красный Октябрь», не только я терзала его своими бесконечными гаммами, этюдами Гедике и Черни, – из комнаты, где оно стояло, часто доносилась музыка Шумана, Бетховена, вальсы Шопена в прекрасном исполнении бабушки.

Часто приходила Назо Качарава, жена папиного друга, капитана Анатолия Качарава. Они «музицировали» вместе: бабушка аккомпанировала, а Назо (или, как с лёгкой руки моей сестрички, все звали её «Назона») пела низким грудным голосом с сильным грузинским акцентом: «Ми толко знакоми... Как странно...»

Моё любимое пианино было членом нашей семьи. Оно переезжало из города в город, из квартиры на квартиру вместе с нами...

Когда на какое-то время прервалась моя любовь к нему, оно задержалось до поры до времени на квартире родителей. Но когда мои сыновья, Вася и Саша, решили его отдать или выбросить за ненадобностью, я тут же перевезла его к себе, на Мерзляковский, и в редкие свободные минуты садилась играть. За много лет «простоя» я разучилась, пальцы не слушались. К тому же от старости колки пианино плохо держали, и оно постоянно расстраивалось (надо же – двойной смысл слова!). Отец Сашиных одноклассников – Валя Галюзов – приходил его настраивать. И я опять играла. Покупала ноты... Доставала старые, ещё бабушкины...

Мне трудно это объяснить, но я привязываюсь не только к людям, животным, месту жительства, но и к вещам... Пианино было частью моей жизни, частью меня, членом моей семьи, моим другом... Тем горше осознавать, что я его предала...

Мы продали нашу квартиру на Мерзляковском, разъезжаясь с Сашей. (Я и квартиру предала!) Купили две: Сане на Краснопресненской набережной, а мне – на Новинском бульваре...

Мне так не хотелось переезжать! Я была так убита и деморализована, что, когда дети, «до кучи», стали мне вбивать в голову, что пианино уже не подлежит настройке, настройщики, мол, уже не берутся, и зачем тащить «бесполезные доски» в новую квартиру... ну и так далее, я сдалась. Я не защитила и не отстояла моего старенького друга...

Я не могу себе простить, что с моего молчаливого согласия оно оказалось разобранным и на помойке!..

В наказание мне и в назидание за предательство на светлой японской пианоле, электронной и бездушной, которую Саша купил мне «взамен», стоит сохранённая мне «на память», вырезанная моими жестокими детьми из пианино надпись белыми буквами по чёрному лаку – «Красный Октябрь»...

Есть ли жизнь в полярную ночь?

В первый класс я пошла в Москве. Смутно помню это «первый раз в первый класс», то есть 1 сентября. Были, конечно, и коричневое школьное платье с белыми воротничком и манжетами, и белый фартук, и белые банты в косах, и букет цветов в руках, и портфель с тетрадками и учебниками... Мама вела меня за руку – школа находилась в конце Вятской улицы, почти у Савёловского вокзала...

Помню линейку, когда десятиклассники (среди них был младший сын Свешниковых – Андрей, невысокий, но очень красивый юноша) приветствовали первоклашек, и Андрей даже нёс меня на плечах с колокольчиком в руке...

На этом мои воспоминания о московской школе заканчиваются – больше ничего не помню: ни класса, в котором училась, ни соучеников, ни «учительницу первую мою»... Видимо, потому что ярких событий не происходило, а училась там я совсем мало – мы на шесть лет переехали в Мурманск...

Первый приезд в Мурманск – пробный, но всей семьёй, – мы совершили весной того же года, то есть когда я ещё не ходила в школу, а Ирка ещё просто не ходила – ей было месяцев 8–9. Тот приезд я очень ярко помню...

Квартиру отцу, который работал заместителем начальника Мурманского пароходства, тогда ещё не дали, и мы поселились в Доме моряка – такой абсолютно типичной советской гостинице – в двухкомнатном люксе: большая кровать в нише за пологом, диваны, столы, шкафы, стулья – ничего особенного...

Но мне это временное жильё после московской комнаты казалось хоромами: никаких печек с дровами – центральное отопление и раскалённые, как всегда на Севере, батареи! А главное – санузел с фаянсовым унитазом и огромной чугунной эмалированной ванной, которая – о чудо! – заполнялась горячей водой!!! Правда, вода была абсолютно ржавая...

Но это уже такие мелочи жизни!!!.. Как же я радовалась, залезая в эту почти коричневую воду, в которой можно было согреться и расслабиться, а вылезти лёгкой, чистой, новенькой...

С тех пор горячая ванна для меня – не только купание, не только одно из любимых занятий, но и необходимость. После долгой дороги я обязательно залезаю в горячую воду. А если утро началось не с гимнастики и ванны – можно считать, что я не проснулась...

Когда мы только приехали в Мурманск и мама с бабушкой начали распаковывать вещи, меня отпустили пройтись по Дому моряка. Я отправилась обследовать территорию и на втором этаже обнаружила настоящий клад – весь этаж был завален книгами: там находилась библиотека, в которой шла то ли ревизия, то ли инвентаризация, то ли ещё что-то – неважно!..

Книги лежали на полу стопками и вразвал, беспорядочно!.. Я сошла с ума от восторга и радости, когда мне разрешили в этом богатстве не только покопаться, но и взять с собой в номер почитать всё, что захочу и сколько захочу!.. Я взяла столько, сколько смогла унести – целую гору... Быстро перечитав эту гору, я шла менять её на следующую...

Невозможно передать, какое это было счастье!.. Я приходила в номер, садилась за стол, бабушка ставила передо мной стакан теплого молока и блюдечко с песочным пирожным. И я читала, читала, читала...

Как же это здорово! (До сих пор не могу избавиться от вредной привычки «заедать» чтение чем-нибудь вкусненьким!)

Представьте себе, как любила я в Мурманске болеть, потому что меня сразу укладывали в чистую постель, и, когда спадал жар, мне приносили стопку книг и тарелку с бутербродами или пирожками... Бутерброды бывали с чёрной икрой (которая не была тогда ни дорогой, ни дефицитной) или с вяленой рыбкой, или с моей любимой копчёной колбасой. А пирожки бабушка пекла невероятно вкусные – маленькие, с мясом или с капустой...

Болела я часто – конечно, не потому, что в результате это было приятным занятием, а потому что мурманский климат к тому располагал.

К середине моего первого класса мы уже перебрались в Мурманск и жили в двухкомнатной квартире на улице то ли Карла Маркса, то ли Карла Либкнехта. То есть мы жили на обеих улицах – сначала в двухкомнатной квартире, а потом, по мере повышения папиных должностей, переехали в трёхкомнатную. Вот только не помню, где какой был Карл. Но это и не суть важно...

Я пошла в школу № 8. И вот там я очень хорошо запомнила свою первую учительницу – Валентину Серафимовну Ненахову. Помню её и люблю до сих пор, и до недавнего времени мы даже изредка писали друг другу... Она замечательная... Я смотрю на свои «похвальные грамоты», заполненные и подписанные её каллиграфическим почерком, и отчётливо вижу её милое доброе лицо...

А вот учёбу вспоминаю с ужасом – не потому, что она давалась с трудом – нет, я всегда была отличницей! – а потому что не было сил утром встать и идти не просто в школу, а куда-то в полярную ночь и в северный мороз!!!.. Я и вообще-то не ранняя пташка... а тут... Меня вытаскивали из тёплой постели, тщетно пытались накормить завтраком – но не могли соблазнить даже кусочком моей любимой копчёной колбасы, – укутывали и волоком тянули сквозь ледяной ветер и выюгу в школу!..

Только к третьему или четвёртому уроку я просыпалась настолько, что даже доставала на перемене из портфеля свёрток с яблоком и бутербродом и без аппетита съедала...

Небо к этому времени немножко серело. Это называлось рассветом. Но, когда я возвращалась из школы домой, полярная ночь опять нависала над городом... Я брела по чёрным промёрзшим улицам, с трудом вскарабкивалась на третий этаж, звонила в дверь квартиры...

Бабушка кормила меня обедом и... выпихивала на улицу «гулять»!.. Ужас!.. Я стояла у сугроба, который был выше меня раза в три-четыре, укутанная, как кочан капусты, и всё равно дико мёрзла...

Стуча зубами, я ждала, когда пройдёт хоть полчаса, после которых можно вернуться и сообщить, что я «уже нагулялась»...

Иногда я выдерживала минут двадцать и опять карабкалась в своих тяжёлых одеждах, задыхаясь, на свой третий этаж, мотивируя тем, что «много уроков задали», и обречённо садилась учить. Хотя предпочла бы забраться в огромный чулан, где я любила читать...

В общем, теперь должно быть понятно, почему я так часто болела и любила болеть. Организм просто спасал меня, поэтому с упоением схватывал все возможные микробы и болячки... Мы с сестрицей, заражаясь друг от друга и наперегонки, переболели почти всеми «детскими инфекционными» свинками, корями, скарлатинами и коклюшами...

После каждой «болячки» меня освобождали от физкультуры. То есть в результате освобождение стало постоянным, и – порочный круг! – без физических нагрузок у меня стало побаливать сердце. Вот так в конце концов у меня развился ревмокардит и обнаружили ревматизм...

Не так давно знакомый ветеринар сказал мне, глядя на одного моего котёнка, перенесшего операцию, что, как и котёнок, ребёнок после болезни вырастает гораздо быстрее сверстников – то есть он как бы подсознательно (а иногда и сознательно!) начинает оценивать происходящее с ним, анализировать свою жизнь... Верно. Это так. Когда ты болеешь, тебе, конечно, плохо, но о тебе заботятся (по крайней мере, в детстве!) и ты избавлен от многих обязанностей и обязательств. Высвобождается время для размышлений, мечтаний, и прорастает творческое вдохновение. Может, потому я и начала писать стихи, что, болея, много читала – читала запоем. И тут же пробовала писать сама – стихи, а потом и дневники...

Конечно, болезни формируют и закаляют характер. Со мной так и было. Отчасти, наверное, и потому, что я, как у Высоцкого, «нужные книги в детстве читала».

«Вы меня обманули!...»

В восьмилетнем возрасте мне удалили аппендицит. От этой операции на память у меня на всю жизнь остался грубый косой шрам на животе. А вот был ли сам аппендицит? На этот вопрос трудно ответить. Я до сих пор не уверена – по существу ли меня разрезали, помучили и потом опять зашили...

Память у меня почти фотографическая, поэтому я очень хорошо помню тот нескончаемо длинный день...

С утра меня немножко мутило. Хотя со мной это случалось и прежде. Вряд ли ребёнку полезно лакомиться копчёностями, но, когда к родителям приходили гости, разве можно было спокойно смотреть на тоненько нарезанную колбасу на кухне! Конечно, я утягивала пару кусочков к себе «в норку» – под подушку – для ночных мечтаний...

А гости приходили часто. На Севере какая-то особая дружба (к тому же и времена были такие, располагающие к дружбе, открытости, радости). Все праздники встречали вместе, большими компаниями, от каждой семьи на столе оказывалось фирменное блюдо, заранее договаривались, кто что принесёт, в складчину покупалось спиртное...

Приходили Саркисовы – сам Саркисов был тайно влюблён в мою красавицу-мату, а его жена, Ира, вовсю кокетничала с моим отцом, причём это был, похоже, «секрет Полишинеля», если даже я, ребёнок, это понимала, – но, видимо, это добавляло в настроение элемент игры – все любят всех! Обязательно была пара Лапицких – глава семьи, Филипп, работал главврачом детской больницы. Всегда на домашних празднествах присутствовал папин друг, капитан Анатолий Качарава с женой Назо (я уже рассказывала о них немножко).

Добавлю только, что у самого Качаравы когда-то, по его рассказам, была неземная любовь со знаменитой кинематографической красавицей Нато Вачнадзе. И якобы она летела к возлюбленному Анатолию на свидание, но самолёт разбился и все погибли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.